
Отношения между США и КНР: чем они могут быть интересны Украине?

М. Таран

The given article is an attempt to define an importance of US-China relations for Ukrainian foreign policy analysis and activity. The peculiarity of this relation is shown within the context of current international relations typology. The issues of US-China relations add to our understanding of current international system as well as provide with empiric matters to build more efficient foreign policy process in Ukraine. The Ukrainian foreign policy should take into account the further developments of relations among the USA and the PRC as the bilateral relations of global importance.

В последние приблизительно два десятилетия ярко выраженной тенденцией межгосударственных отношений является стремление каждой страны проводить многостороннюю, диверсифицированную внешнюю политику. Нарастание интенсивности взаимодействия с внешним миром является одним из следствий глобализации, а также связано с необходимостью поиска новых экономических и политических партнёров. И в то же время мы наблюдаем формирование нового контекста тех двухсторонних отношений, которые можно определить как системообразующие для современного миропорядка.

После 1991 года в украинских политических и научных кругах стабильно растёт интерес к американоведческой и китаеведческой проблематике. Это связано с необходимостью более глубокого осознания специфики развития и внешнеполитического поведения двух стран в принципиально новых условиях становления новой системы международных отношений. Политическая востребованность этих исследований направлена на углубление отношений с такими стратегическими партнёрами Киева, как США и КНР, ключевыми странами для дальнейшего продвижения интересов Украины на Западе и в Азии.

В этом контексте хотелось бы поделиться некоторыми размышлениями о необходимости учитывать опыт достаточно многообразных и всё более влиятельных двухсторонних отношений между Америкой и Китаем. Последние хотя и непосредственно не влияют на внешне- или внутривнутриполитический курс Киева, но касаются его стратегических интересов. К тому же многие аспекты своеобразного стратегического диалога между Вашингтоном и Пекином дают необходимый материал для более глубокого понимания как архитектуры современных международных отношений, так и в значительной степени проявляют особенности американской и китайской цивилизаций и, как следствие, их политические интересы и ценности. Америко-китайские отношения, как в свое время советско-американские, являются своеобразным индикатором общемировых политических, экономических, социокультурных и прочих тенденций. От их характера во многом зависит мировой политический и экономических климат без учета которого государство не может строить свою внешнюю политику.

Даже не для специалиста очевидно, что современный политический, военный, экономический и т.д. потенциалы как США так и КНР являются системоформирующими для мировой политической, экономической системы а также для военно-стратегической стабильности. Практически все эксперты обозначают америка-

но-китайские отношения как отношения глобальной важности. В отличие от американо-советских отношений, в которых доминировало конфронтационно-конкурентное начало, американо-китайские связи по глубине и уровнях взаимодействия превратились в своеобразную взаимозависимую систему, тесно интегрированную в более широкие рамки региональной и глобальной систем. Образ такой комплексной взаимозависимости известный американский исследователь Д.Лэмптон очень точно передал в названии своей книги с помощью китайского выражения “Одна кровать – два разных сна” (*tongchuang yimeng*) [Lampton 2001].

Интересно отметить, что взаимное стратегическое притягивание между Вашингтоном и Пекином в исторической перспективе было связано не с экономическими расчётами. Идеология либерализма, когда необходимость более конструктивной и компромиссной формы двухсторонних отношений основана на потребностях развития торговли и инвестиционной деятельности в этом случае не являлась ведущей силой. Визит Р.Никсона в Китай в 1972 году и заинтересованность Председателя Мао были обусловлены планами обеих политиков формирования новой геостратегической динамики, целью которой становилось давление и “уравновешивание” СССР.

Ротация китайской политической элиты и новые приоритеты развития страны “второго поколения китайских руководителей” во главе с Дэн Сяопином дополнили глобальную важность американо-китайских отношений. Политика “реформ и открытости” дала толчок к налаживанию экономических и социокультурных связей. Как бы в ответ на политическую смелость Р. Никсона Дэн Сяопин вскоре после установления официальных дипломатических отношений свой первый зарубежный визит нанёс именно в Соединённые Штаты.

С того момента можно констатировать формирование более системной обоюдной заинтересованности в развитии отношений. Без нормализации отношений с США Китаю не удалось бы создать позитивный политический фон для экономизации отношений со странами Запада. Именно американские инвестиции, технологии и помощь стали своеобразным сигналом для большинства других стран для начала борьбы за китайский рынок. И для самих Соединённых Штатов китайская экономика станет в значительной степени дополнительной возможностью приспособления к новым условиям глобальной конкуренции.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что процесс восстановления мировой экономики невозможен без американо-китайского партнёрства хотя бы потому, что это две самые большие экономики мира. Существует необходимость для обеих государств регулировать собственные экономики на макроэкономическом уровне [Lieberthal 2009, 247]. Стабильность американской экономики во многом зиждется не только на китайском рынке, но и на том, что Китай на сегодня является основным кредитором США. Перспективы превращения юаня в одну из основных резервных валют мира также рассматриваются как достаточно обоснованные в недалёкой перспективе.

Для Китая развитие отношений с США создало благоприятную почву для продолжающейся интеграции в международную систему. Такая тенденция соответствует стратегическим интересам обеих сторон. Практика и опыт китайских реформ стали хорошим примером для Украины в том числе, – экономические реформы без инвестиций и технологий невозможны. Они также невозможны без участия в многосторонних политических и экономических механизмах. Участие Китая в ВТО, взвешенная позиция в ООН, активное участие в обсуждении насущных глобальных проблем в рамках “Большой 20-ки”, вовлечённость в шестисторонние

переговоры по северокорейской ядерной программе не только усиливают авторитет и политическое влияние страны, но также расширяют внешнее поле деятельности для экспортоориентированной китайской экономики. В Соединённых Штатах идея расширения участия КНР в международных делах, вовлечённости в мировую экономику, превращение Китая в своеобразного “ответственного обладателя акций” концептуально оформилась в период администрации В.Клинтона. Ее стратегическая направленность – убежденность в том, что “связанный” рамками мировой системы и ее обязательств внешнеполитическое поведение Китая не будет основываться на “антиамериканизме”. По мнению американских идеологов политическая и экономическая либерализация являются одними из основных предохранителей скатывания страны к автаркии, авторитарному режиму и антиамериканизму.

Расширение экономической основы отношений и недопущение парализующего эффекта разногласий является ярким примером прагматического подхода Китая. Прагматизм в контексте двухсторонних отношений – стремление достигать конкретного результата, приемлемого для обеих сторон. И Пекин и Вашингтон на протяжении вот уже более чем трёх десятилетий официальных отношений в наиболее острых и конфликтногенных вопросах выработали взаимоприемлемые формулы как, хотя и временный, но тем не менее компромисс.

Прежде всего на себя внимание обращает постепенное продвижение на основе общего компромисса, и в то же время сохранение стратегических разногласий вокруг вопроса Тайваня. В XXI веке президент США Дж.Буш-младший однозначно заявил о не поддержке идеи независимости острова, что в значительной степени сняло опасения по поводу какой-то скрытой поддержке Соединенными Штатами сторонников независимости в Тайбэе. Председатель КНР Ху Цзиньтао в тайваньском вопросе в свою очередь отступил от жестких формулировок. Стратегия Пекина на расширение сотрудничества с островом показала себя более продуктивной. Как и в случае с американской стратегией расширения и ангажирования КНР в случае с Тайванем Пекин получил куда больше возможностей для продвижения своих идей, авторитета и поиска на острове партнёров как политических, так и экономических.

Ситуация взаимопроникновения и сотрудничества в рамках треугольника Вашингтон – Пекин – Тайбэй в значительной степени нивелирует фактор силовой дипломатии и военного противостояния. Естественно, экономика не подменяет стратегическую подозрительность в Тайбэе и Вашингтоне модернизацией китайских вооружённых сил. Но здесь хотелось бы отметить, что военно-стратегической противостояние не является преградой для взаимного сближения на разных уровнях. В отличие от ситуации “холодной войны” между США и СССР, когда военно-политическое противостояние было довлеющим, в современных условиях разные взгляды Вашингтона и Пекина на архитектуру международных отношений в регионе и в мировой системе не мешают формированию глобального экономического пространства и политическим компромиссам.

Острота “тайваньского вопроса” связана не только с особым значением острова и для США и для Китая. Тайвань интегрирован в американскую систему баланса сил в Восточной Азии. Контроль острова в значительной степени позволяет контролировать китайское побережье. В этом веке военно-стратегическое поведение США в регионе стало несколько гибче, и его можно выразить с помощью определения Р.Скалапино, известного американского специалиста как “сочетание стратегии баланса сил и тактики концерта государств”. США продолжают модернизацию своих вооружённых сил, усиливают партнёрство с соседями

Китай. Но одновременно с этим мы наблюдаем и формы сотрудничества между военными ведомствами обеих стран. Пока трудно говорить именно о системных связях между военными обеих стран, скорее всего это только первые контакты, которые периодически прерываются под влиянием темы продажи американского оружия Тайваню. Состоялись совместные поисково-спасательные учения, визиты высоких военных чинов. Американская сторона, и особенно сторонники идеи “китайской угрозы”, подчёркивают непрозрачность китайского военного бюджета и рост китайской военной мощи как факторы, которые могут существенно нарушить поддерживаемый США статус-кво. Однако даже при наличии серьёзного уровня недоверия и военной конкуренции в военной области мы также фиксируем наличие диалога. Что является одной из отличительных особенностей китайско-американских отношений от советско-американских.

Некоторые авторы, такие, например, как Е.Вогель, считают, что ключом к решению “тайваньского вопроса” есть именно дальнейшее улучшение отношений между США и КНР. Чем они будут более взаимовыгодны и доверительны в экономической и политической сфере, тем более КНР будет уверена, что мирная интеграция Тайваня может быть достижимой и Вашингтон не будет проводить политику поддержки независимости Тайваня [Vogel 1997, 268].

Состояние военного доверия чрезвычайно важно для региональной и глобальной военной стабильности. Нарастание военного потенциала воспринимаются средними странами как продолжение политики больших стран, направленной на военное доминирование, которое периодически выливается в локальные войны. Это подталкивает “малые” и “средние” страны к увеличению военного бюджета и, в свою очередь, в условиях кризиса к недостаточному финансированию более важных для социально-экономической стабилизации статей. Как продолжение политики поиска средств укрепления национальной безопасности многие страны вынуждены искать себе военно-политическое прикрытие или в многосторонних механизмах безопасности, таких как НАТО, или пытаются проводить политику “балансирования и подчинения” по отношению к более сильной стороне.

Тезис, который можно извлечь из такой ситуации – военно-стратегическая конкуренция не должна исключать необходимость контактов, сотрудничества и постоянного диалога. Они являются необходимым дополнением к проведению суверенной военной политики. Уровень военного потенциала на сегодня не может служить исключительным инструментом поддержания территориальной безопасности, защиты территории и суверенитета государства. Без надёжного политического механизма, который значительно смягчает трения и содействует своеобразной аккомодации сторон ставка на военно-технологическое превосходство может иметь разрушительный эффект.

И в ситуации с Тайванем, и в условиях существования разногласий по торгово-экономическим вопросам а также в период обострения международных кризисов (Ирак, Афганистан, Иран, Ливия и т.д) заметно, что китайская дипломатия уклоняется от резких и конфликтных заявлений. Если бы Китай оппонировал США в вопросах Ирака, Афганистана и других то характер международных отношений был бы иным, более обострённым и конфликтным. Взвешенная прагматичная позиция Пекина в значительной степени позволяет избегать до этого времени каких-то геополитических расколов. Пекин придерживается акцентов на необходимости следования принципам территориальной целостности, невмешательства и приоритетности международного права. Китай, таким образом, не противопоставляет свою позицию односторонним акциям, как это было, напри-

мер, в последнем случае с Ливией а пытается таким образом подчёркивать несовершенство международных институтов, ООН, в частности, которые не в состоянии не допустить превращение политического конфликта в военный. Это содействует повышению авторитета Китая и, как следствие, ведёт в свою очередь к налаживанию более тесных отношений с теми странами и регионами мира, где любой интервенционизм не приветствуется.

Отношения между США и Китаем можно рассматривать и в рамках взаимодействия разных политических ценностей, связанных с фактором исторического и культурного развития. Такие темы, как взаимоотношения человека и государства, права человека, наличие универсальных ценностей и пр. постоянно присутствуют на повестке дня. Китайское общество и государство, в отличие от американского, исторически строились и взаимодействовали на основании, в частности, принципов управляемости, подчинения, приоритета коллективного над индивидуальным. Сильное, централизованное государство для обыкновенного китайца обеспечивали стабильность, защиту и обыкновенный образ жизни. Историческими атрибутами слабого и децентрализованного государства в Китае стали гражданские войны, падение уровня жизни и национальное унижение. Поэтому разногласия вокруг понятия “права человека”, который очень активно подымается странами Запада и часто используется как политический инструмент, являются в значительной степени борьбой разных систем политических ценностей и опыта. Для китайского правительства, как это видно из официальных заявлений, права человека имеют конкретную реализацию в распределительных способностях государства предоставить каждому конкретному человеку возможности для образования, жизни и развития. Иными словами, в Китае исторически сложилась концепция государственного патернализма, которая существенно отличается от евро-американской идеи государства, как мягкого регулятора процессов в обществе, обеспечивающего индивиду прежде всего защиту и сохранения абстрактной “свободы”. В политической и дипломатической борьбе вокруг понятий “права человека”, в достаточно твёрдой позиции китайского правительства по этому вопросу мы полагаем присутствует элемент защиты собственной цивилизационно-исторической идентичности.

Естественно, здесь речь не идёт о каких-то двух совершенно отличительных мирах, существующих изолированно друг от друга. Процессы глобализации и уплотнения информационного пространства в значительной степени усилили коммуникацию между обществами и людьми. Социокультурные контакты американского и китайского обществ являются очень важным фактором, который в значительной степени влияет и на характер американо-китайских отношений. Из собственного опыта и наблюдений я бы выделил общую формулу обоюдного интереса американцев и китайцев. В Соединённых Штатах существует достаточно большой интерес к китайской культуре, традиции, к разнообразным их проявлениям, таким как: кухня, боевые искусства, язык. Для китайского студента пребывание в Америке связано с получением уникальных знаний, языкового и культурного опыта. Всё большее число американцев отправляются в Китай в поисках работы и нового окружения. В ближайшие четыре года запланировано направить для учёбы в Китай 100 тыс. американских студентов. И всё большее число китайцев учатся в американских университетах и колледжах. Что интересно, пребывание в другой культурной среде еще больше содействует формированию собственной политической, культурной идентичности. И в то же время делает эту структуру идентичности более восприимчивой к достижениям, пониманию других культур.

На высшем политическом уровне мы наблюдаем регулярные встречи лидеров и правительственных чиновников. Политический диалог между США и КНР не только регулярный, интенсивный, но и продуктивный. В январе этого года, например, Председатель Ху Цзиньтао нанес четырехдневный визит в США. Китайская торговая делегация достигла с американской стороной торговых договорённостей на сумму 25 млрд. долл., объем двусторонних инвестиций превысил 5 млрд. долл. из которых большая часть – инвестиции китайских предприятий в США.

Такую картину поневоле сравниваешь с украино-российскими отношениями. Как это не парадоксально, уровень исторических предубеждений между двумя народами, более близкими по всем этническим характеристикам, нежели американцы и китайцы, значительный. В своей политике Россия очень часто игнорирует фактор отдельной украинской идентичности. В то же время украинской власти так и не удалось создать такой механизм взаимодействия с основным территориальным соседом, в котором разноуровневые связи: политические, социальные, экономические, научные и т. д. довели бы над недоверием и взаимными претензиями. Последние встречи президентов Украины и России фактически всегда имеют одну главную тему – или цена на газ, или же Таможенный Союз. А вопросы и перспективы инвестиций, тех же обменов студентов, в частности, игнорируются. Украина и Россия еще очень далеки от ситуации комплексной взаимозависимости, выгодной обеим сторонам.

Взаимозависимость усиливает взаимовлияние, создавая на двухстороннем уровне своеобразную ситуацию динамического балансирования. Интересы политических элит уравниваются интересами других кругов общества: деловых, академических, военных. Это создаёт принципиально новый, современный механизм взаимодействия, который напоминает закон сообщающихся сосудов, где уровень воды в одном всегда равен уровню жидкости в другом.

Материал американо-китайских отношений предоставляет более глубокое понимание и процесса формирования внешней политики современного Китая. Она всё более формируется не на основе персонифицированных предпочтений узкой части политической элиты. В Китае наблюдается рост количества американоведческих центров, что говорит о большей профессионализации, учёте специализированных знаний, большем влиянии экспертов, общественного мнения. Децентрализация принятий экономических решений расширила возможности для участия в международной деятельности провинций Китая, что тоже является одной из ведущих сил в процессе увеличения экономической взаимозависимости.

Подытоживая спектр мнений о взаимозависимости и взаимодополняемости США и КНР, глобальном значении этих отношений для всех уровней международной системы, уроках, которые эти отношения предоставляют для третьих сторон нам хотелось бы выделить следующее.

Во-первых. В современных условиях глобализации защита национальных интересов зависит уже не только от политического, военного и экономического потенциала, а все в большей степени от способности формировать модели отношений общей выгоды.

Во-вторых. Формулировка и воплощение внешнеполитического курса Украины, направленного на стимулирование реформ в стране непременно должно учитывать такую реальность, как рост китайской экономики, финансово-экономического и инвестиционного потенциала и в то же время сохранение за Соединёнными Штатами технологического и военного превосходства. Киев должен максимально дистанцироваться от тех проблем (курс юаня, торговля, Тайвань, Тибет и т.д.), в которых китайские власти придерживаются чёткой и последовательной позиции в отношениях с США.

И в-третьих. Перспективы украино-китайских отношений в значительной степени будут зависеть не только от динамики политических контактов, количества подписанных договоров и пр. Без глубокого понимания феномена современного Китая как уникальной цивилизационно-исторической сущности, без формирования экспертной основы для отношений, расширения социокультурных, научных, гуманитарных контактов наши отношения еще долго будут основываться на политических “ритуальных” встречах, общих декларациях и во многом “стихийных” экономических связях.

ЛИТЕРАТУРА

Lampton D. Same bed, different dreams: managing U.S. – China relations, 1989-2000. Bekeley and Los Angeles. 2001.

Lieberthal K. The China-US Relationship Goes Global // Current History, 2009, Vol. 108, Issue 719.

Vogel E. Living with China: U.S. – China relations in the Twenty century. N.Y. 1997.